

Городницкий А. М.

Северная Двина

Мы плыли вниз по Северной Двине
На белом пассажирском теплоходе,
Который прежде назывался "Неман",
Но был позднее переименован
В честь Фёдора Абрамова. Писатель
Был местным уроженцем. Вспоминаю
Публичное признание его
И яростное самобичеванье
За то, что в бытность в университете
На своего профессора донёс,
В чём каялся потом, возненавидев
Партийных искусителей своих.
Не в этом ли особенность души
Исконно русской? — Прежде нагрешить,
Дотла пропить, грабить на дорогах,
Быть душегубом, татем полуночным,
Детоубийцей или стукачом,
А после под иконой жечь свечу,
Лоб кровянить поклонами земными,
Покаявшись в лихих своих поступках,
У Господа вымаливать прощенье,
И схиму принимать. Не потому ли
Веками здесь поют о Кудеяре,
А отроки святые не в чести?
Мы плыли вниз по Северной Двине
С фольклорными ансамблями из Тойвы,
Сольвычегодска, Котласа и прочих
Окрестных городов и деревень
На фестиваль в Архангельск. Вечерами
Мы приставали к берегу, и вновь
На пыльных сценах поселковых клубов,
На площадях прибрежных леспромхозов,
Под северными злыми комарами,
Плясали вилегодские старухи
В узорных полущалках расписных
И праздничных багряных сарафанах
С подгрудною высокой подпояской
И необъятным клетчатым подолом,
Рассчитанным на деревенских женщин,
Беременевших снова, что ни год.
Их песни, позабытые сегодня,
И танца неподдельное веселье,
Что недоступно профессионалам,
Крестьянские морщинистые лица,
Согбенные, но крепкие тела,
И тёмные беззубые улыбки,
Собравшимся иллюзию внушали,
Что в старину жилось повеселей.
Механики, завхозы, речники,

Надев льняные светлые рубахи,
Подхваченные пёстрым кушаком
С устюжскою затейливою вязью,
И волосы забрав под ремешок,
Преображались в древних берендеев,
Гудошников и гусяров, а ночью
На теплоходе рявкали гармони
И бешено гремела дискотека,
В сегодняшний перемещая век.
Я вспоминаю поселковый клуб,
Плакат "Добро пожаловать" над входом,
Крест-накрест заколоченные двери
Под надписью, и лужу у крыльца,
Вокруг которой зрители стоят,
А на крыльце кружится хоровод,
Платочками помахивая дружно.
Я вспоминаю контуры церквей
Преображенья или Воскресенья,
Плывущие над белою водой
Под берестою северного неба.
И таинство полночной тишины
Под неизбывным половодьем света,
Где сосны не отбрасывают тени,
И красок нет — лишь чернь и серебро.
Лесное царство пересыльных тюрем,
Владения зловещего ГУЛАГа,
Места захоронений безымянных,
И вышки зон и постоянный день,
Как в камере, где свет не гасят ночью,
Бессонница, что многодневной пыткой
Пытает обескровленный народ.
Как непохожа эта белизна
На петербургско-пушкинские ночи
С графическою оторочкой шпилей
И золотом неярким куполов!
А впереди, и сзади, и вокруг,
Струилась неподвижная Двина,
С обманчиво прозрачною водой,
Пропитанная аммиачным ядом
Бумажно-целлюлозных комбинатов
Коряжмы и Архангелогородья.
Свободная российская река.
С ее широких плоских берегов
Татарские не пили кони воду,
Увязнув безнадежно на пути
В болотах вологодских или ситских.
Исконная российская река, —
Не Дон, который к туркам уходил
В Азовщину; не Волга, что течёт
Меж берегов мордовских и болгарских,
Татарских, и чувашских, и калмыцких,
В Хвалынское впадающая море,

Где полумесяц пляшет на волне,
Подернутой азербайджанской нефтью;
Не Енисей тунгусский; не Иртыш,
Отобранный насильно у Кучума;
Не Днепр, что от постылых москалей
К родному убегает Запорожью,
Чернобыльской отравой поражённый;
Не Терек, что несется по камням,
Песком и кровью яростно плюясь,
И задыхаясь от бессильной злобы.
В течении Двины отобразилась
Неторопливость спутников моих,
Невозмутимых и русоволосых,
Архангелогородский говорок
С распевной гласной на исходе фразы.
Спокойная российская река
С болотистым многорукавным устьем.
Здесь Пётр когда-то вздумал строить флот,
Да после передумал, спохватившись,
Что не доплыть отсюда никуда, —
Ни в близкую, казалось бы, Европу,
Ни к прочим зарубежным берегам.
Пробить пути на Запад и Восток
Отсюда не сумели мореходы:
Ни Пахтусов, в Соломбале лежащий,
Усопший тридцати с немногим лет,
Ни к полюсу стремившийся Седов,
Себя велевший к нартам привязать,
И где-то от него невядалеке
Матросами задушенный своими.
Единственная русская река,
В российское впадающая море,
Откуда путь уходит в никуда —
Навстречу льду, безмолвию и мраку.

5.07.1993